

Наталья Милявская

Быстрее С.

Серия «Самое время!»

Когда популярный музыкант Иван Серебров предложил журналистке Лизе написать для него книгу, она и подумать не могла, что банальное жизнеописание очередной звезды обернется для обоих гонкой на выживание. Почему вместо долгожданной славы за артистом по пятам ходит смерть, как нужно трактовать знаки, чтобы выжить, и под силу ли обычной девушке стать ангелом-хранителем, который поможет Ивану стать быстрее смерти?..

*Не у всех историй плохой финал.
У некоторых он — очень плохой.*

ЧАСТЬ 1

Он сидит на берегу. На песке. Индийский океан соленым языком лижет его ступни. В его руках солнце. В его глазах горизонт. Осколки ракушек вокруг него похожи на драгоценные камни.

В вышине, за спиной, о чем-то перешептываются пальмы. Ветер треплет их спутанные макушки, подслушивает их секреты, лелеет в ладонях обрывки фраз. Кожа пахнет солью. Далеко, в размытой лазурной дымке, миражи складываются в причудливые узоры.

Он сидит на берегу. Планета под ним несется со скоростью тридцать километров в секунду вокруг ближайшей звезды. Звезда эта тонет в наполненной до краев чаше океана. Вернувшийся ветер приносит прохладу.

Он отряхивает руки от песка и натягивает на плечи холщовую куртку.

1

Надо бы купить пару дурацких маек, чтобы ходить на презентации. Хорошенькая история: все в D&G, а тыходишь, и поперек груди у тебя — большой зеленый член. Добрый вечер!

Журналистам в наши дни прощают все. Главное, чтобы у тебя на шее болтался бейдж с надписью «Пресса». Главное, чтобы ты вообще пришел. И чтобы хоть что-нибудь написал. А уж ради того, чтобы это «что-нибудь» было позитивным и «форматным», тебя могут пустить на мероприятие даже нагишом.

Мы не четвертая власть. Мы — первая.

Эта мысль меня веселит. Я улыбаюсь, поворачиваюсь на спину и окончательно просыпаюсь. Солнце проникает в комнату длинными яркими полосами.

За окном настойчиво сигналиит машина. Где-то наверху сосед заводит свою бесконечную дрель. Он делает это ежедневно, ровно в одиннадцать, и если сегодня он не отстал от графика, значит, я опаздываю на очень важную встречу.

Черт!

В двенадцать надо быть на Арбате, то есть из дома я должна выйти прямо сейчас, в трусах и тапочках. Круто!

— Маша, поставь чайник! — ору я по пути в ванную. Надеюсь, Машка меня слышит.

Через десять минут, когда я вхожу на кухню, на столе уже стоит чашка кофе, сливки и бутерброд с сыром на блюде. За три месяца совместного проживания Маша выучила мой утренний рацион наизусть.

— Спасибо! — сквозь бутерброд говорю я.

Часы на холодильнике показывают 11:14. В принципе, если бежать до маршрутки, а в метро передвигаться в переходах максимально быстро, и не миндальничать, пропуская в вагон вперед себя всех старушек с тележками, на встречу я опоздаю... максимум минут на десять-пятнадцать. К тому же — кто сказал, что Иван явится в кафе вовремя? Сам наверняка опоздает не меньше чем на полчаса. Полдень для таких, как он, — это вообще раннее утро. А некоторые так и вовсе спят до сумерек, как вампиры.

— Как всегда, опаздываешь? — спрашивает меланхолично Маша, поедая свои вечные мюсли.

— Угу. А ты, как всегда, смотришь всякую ерунду.

На кухонном телевизоре Машка смотрит MTV. Она всегда смотрит MTV. На этот раз двое придурков из очередного идиотского шоу удирают по каким-то прериям от слонов, которых они сами же и раздражали. В прошлый раз эта же парочка, кажется, на спор ела живых червей. Интересно, сколько платят в Америке ведущим за такой экстрим? Впрочем, знаю я пару персонажей, которые согласились бы есть даже собственное дерьмо, совершенно бесплатно — лишь бы их показали по телевизору.

Кстати, из этого могло бы получиться неплохое шоу. «Съешь дерьмо и стань звездой!». Надо кому-нибудь продать идею. За дорого.

— Я просто разгружаю мозг, — говорит Маша. — Дай мне отдохнуть после работы.

Если учитывать, что девяносто девять процентов населения этой планеты только и делают, что бездельничают на работе, а после «разгружают» мозг перед телевизором, выйдем мы гораздо раньше, чем прогнозируют ученые. И коллаيدر здесь будет ни при чем...

Хотела я спросить у Машки, чем именно она так нагружает мозг за смену ночного сторожа в салоне красоты, но передумала. Обидится!

Допиваю кофе залпом, бросаю посуду в раковину, смотрю на часы — 11:20. Вполне себе сносно.

— Я вечером все вымою, — говорю Машке.

— Ага, — не отрывая глаз от телевизора, иронизирует она. — Как же!

Я правда, честно-честно, помою вечером посуду. Хотя мое дежурство было вчера. Или позавчера?

Итак: ноутбук, блокнот, две ручки, кошелек, телефон, диктофон. Ничего не забыла.

А расчесаться? А расчешусь я в лифте — у меня в распоряжении зеркало и целых двенадцать этажей свободного времени.

Надо поставить на телефонном будильнике новую мелодию. На старую я, видимо, уже не реагирую. И надо, наконец, не забывать ставить будильник на телефоне. Иначе меня когда-нибудь все-таки уволят.

Интересно, только у меня лифт едет катастрофически медленно, когда я опаздываю, или это — всеобщая временная аномалия? Наконец старый мастодонт, трясаясь и вздыхая, с криканием распахивает передо мной свои двери. Поехали!

На Смоленской я оказываюсь в двадцать минут первого. Стоя на эскалаторе, мучительно размышляю, звонить Ивану или нет. Ненавижу извиняться за опоздания. Но ведь он наверняка недавно проснулся и только сейчас выезжает из дома.

— Лиза, я уже на месте, — отвечает он мне после третьего гудка. — На втором этаже, у окна.

Черт! Может, он просто не ложился? «Афтепати» на Арбате?

— Э... я уже подхожу, буду через минуту, — говорю я, отключаюсь и мчу вверх по эскалатору, стараясь не налететь на чей-нибудь портфель или локоть.

До ресторана, в котором назначена встреча, я совершаю героический марш-бросок. Организм, надорванный сидячим образом жизни, реагирует на пробежку удивленным покалыванием в боку. Добежав до входа и держась за выпрыгивающее сердце, я останавливаюсь и пытаюсь выровнять дыхание. Получается плохо, но тянуть время дальше нельзя. Пригладив взлохмаченные волосы, я вхожу внутрь и поднимаюсь на второй этаж.

2

Иван сидит у окна. Он разговаривает с кем-то по телефону. Увидев меня, Иван кивает, но взгляд его не здесь — он где-то далеко, рядом с невидимым собеседником. Я усаживаюсь на стул, достаю из сумки блокнот и какое-то время изучаю специальное предложение ресторана на коктейли «Мохито», лежащее у меня перед носом.

Рядом с Иваном — тарелка, в которой недавно был салат. То есть он, скорее всего, явился в ресторан вовремя и, пока я скакала по Новому Арбату, уже успел позавтракать. Черт, кто же знал, что этот тип — такой педант?

Воображаю — перед сном он наверняка складывает ровной стопкой носки и нижнее белье, завязывает провод от телефонной «зарядки» аккуратным бантиком, а футболку вешает на плечики. И ни разу, ни разу в жизни он не опоздал на встречу, и не лег спать, не почистив зубы. Скукота!

Появляется официант, забирает тарелку, кладет передо мной меню и делает вопросительное лицо. Я отрицательно качаю головой и демонстративно откладываю меню в сторону.

Знаем мы ваш ценник. Тысяча рублей за кофе с пирожным...

Наконец Иван кладет трубку.

— Добрый день! — улыбаюсь я. — Прошу прощения за опоздание.

— Ничего страшного, — отвечает он. — Кофе будете?

— Я только что из дома, так что нет.

— Свежевыжатый сок? Завтрак? Я угощаю, — улыбается Иван.

Мне, пожалуйста, красный «порш» и домик за городом.

— Ну... хорошо, давайте кофе. Американо со сливками и два сахара, — сдаюсь я.

Официант испаряется.

— Итак, по поводу интервью, — говорит Иван, доставая из сумки листки с моим текстом. Ого, да он подготовился!

Иван кладет листки перед собой — в нескольких местах распечатанный текст жирно подчеркнут желтым маркером. Читал, видимо, вдумчиво. Сейчас начнет придираться.

— А можно на «ты»? — спрашивает Иван.

— Разумеется!

— Отлично. Итак, смотри: давай вот эту фразу вычеркнем, вот здесь надо как-то помягче сформулировать, не «ушел со скандалом», а, к примеру, «решил двигаться своим путем». Ну, придумай сама, как красивее будет. И вот этот кусок давай сократим, к черту все эти сантименты про детство. Меньше про меня знают — больше будут фантазировать. А это нам на руку, — улыбается Иван. — И еще вводный абзац меня немного смутил. Я пока не получил музыкальную премию, я только на нее номинирован, а ты так пишешь, словно награда у меня уже в кармане. Переделай, ок?

Я киваю, записывая все нюансы в блокнот.

— Что-то еще?

— Ну... в общем все нормально. Ты только после правки перешли мне снова, хочу глянуть окончательный вариант.

Интересно, отчего он не завел себе пресс-атташе? Руки не дошли или тратиться не хочет?

— Да, разумеется.

Я забираю листки с текстом. У Ивана тренькает телефон. Он снова погружается в беседу. Отложив блокнот, я наблюдаю, как по Арбату едут автомобили. День, обещавший стать солнечным, неожиданно соорил всем пасмурную гримасу — вот-вот пойдет дождь, а зонта у меня с собой, разумеется, нет.

В последнее время погода в Москве — как в субтропиках. Полдня — дождь, полдня — жара. Скоро, видимо, и правда конец света.

Появляется официант, приносит мой кофе — и мне наконец есть чем заняться.

Разговор Ивана с каким-то Сэмом, который должен подвезти ему какие-то диски, но все никак не находит времени, заканчивается лишь тогда, когда у меня заканчиваются и кофе, и сливки. На часах — начало второго. Придется оправдываться в редакции, рассказывать, что правка интервью затянулась.

— Извини, — говорит Иван, выключая телефон.

— Ничего, все нормально. Так по тексту все?

— Ну в принципе да.

«Да» звучит не совсем утвердительно.

— Или все-таки нет? — уточняю я.

Иван смотрит на меня, напряженно о чем-то размышляя. Лишь бы он уже сказал «да». Дедлайн в четверг, сегодня вторник, времени на переделку практически не остается. Не люблю интервью с медиаперсонами. Сначала какая-нибудь певичка или актрисуля говорит одно, через пять минут она говорит другое, а в день верстки звонит ее пиар-директор и просит написать третье. В итоге звезда, разумеется, все равно остается недовольной и при первом удобном случае жалуется главному редактору.

Хорошо колумнистам в журналах. Сиди, анализируй реальность, пиши «от себя». Никто не заставляет тебя ходить по разным тухлым презентациям и совать микрофон под нос известным или не очень личностям, до которых тебе, откровенно говоря, нет никакого дела.

Так, кажется, еще пару месяцев такой работы, и я окончательно разлюблю людей.

— Слушай, а ты давно пишешь? — спрашивает Иван вдруг совершенно другим, не официальным тоном.

«С шести лет», хочу съязвить я, но не решаюсь.

— В смысле?

— В смысле — статьи. Интервью разные. Давно?

— Ну... вообще-то у меня журналистское образование. А пишу со школы, наверное. Там, стенгазеты, сочинения, все дела.

— Круто. Мне нравится.

— Что?

— То, как ты излагаешь материал.

Интересно, он издевается или действительно понравилось? И что вообще может понравиться в стандартном интервью на шесть тысяч знаков?

— Э... спасибо, — говорю я.

Иван опять делает паузу.

— А ты в Москве давно? — интересуется он.

Интересно, у меня на лбу написано: «приезжая»? Или меня выдала дыра на любимых кедах?

— Пятый месяц, — отвечаю с вызовом.

— Звучит как срок беременности! — хмыкает он. — А чего приехала?

— Э... А какая разница? — пытаюсь я быть тактичной.

— Ясно. За перспективами, — оценивающе смотрит он на меня. — Ладно, ладно, не обижайся. Мне нужен такой человек, как ты.

— Интересно, зачем.

— Хороший вопрос, — говорит он, доставая из пачки сигарету. — Можно?

— Да, пожалуйста, — отвечаю я.

Он кивает, щелкает зажигалкой и затягивается. Вместе с дымом над столом повисает пауза.

— Мне нужен человек, который может писать, — произносит наконец Иван. — Более или менее художественно. Человек не из тусовки. Желательно вообще не из Москвы. В общем, ищу свежий взгляд. Я хочу выпустить книгу — это хороший пиар-ход для поддержки сольного проекта. Выпустить ее одновременно с первым диском будет круто, я советовался с людьми...

Я молча жду продолжения.

— Вот только сам я ее не потяну.

— Почему? Ты же пишешь тексты? — удивляюсь я.

— Вот именно, я пишу тексты. К песням. Веду свой блог в интернете. Веду колонку в одном молодежном издании. Но не

книги, понимаешь? Книга — это совсем другой объем, страниц сто пятьдесят, не меньше. А лучше — двести пятьдесят. У меня усидчивости и времени на такой объем не хватит. Гастроли, студия... Поэтому я ищу помощника.

— Это ты мне сейчас, типа, предложение делаешь? — осмыслив сказанное, уточняю я.

— Ага. Руки и сердца.

История принимает интересный оборот. Человек, которого знает пол-страны и которого я вижу второй раз «живьем», предлагает мне стать его литературным компаньоном. Или как это правильно называется? Наверняка решил вывести на чистую воду «грязный шоу-биз», по пути отыгравшись на бывших друзьях и пнув под зад бывших продюсеров. Заодно упомянуть продажных телок, безбашенных олигархов и свое тяжелое детство. Очередное произведение из разряда «все гады, а я один в белом фраке». Такими литературными шедеврами завалены полки в любом книжном магазине. И на каждой обложке — надписи типа «главная книга года» или «бестселлер, которого ждали».

Жаль, бумага, на которой напечатано большинство подобных романов, жестковата...

А Иван, между тем, даже и писать книгу сам не хочет, активно ищет литературного негра.

— А авторство? — с улыбкой интересуюсь я.

— Не волнуйся, авторство останется за тобой, я не собираюсь обманывать тебя и выдавать твою работу за свою. Хочешь — напишу расписку и заверю у нотариуса.

Он улыбается в ответ и тушит недокуренную сигарету, расплющивая ее в пепельнице.

— Предварительные договоренности с издательством у меня есть, пока все расплывчато, но им интересны люди из шоу-бизнеса, с именем. Так что, считай, с готовым текстом проблем не будет. Сразу в печать. Плюс поддержка разных телеканалов, журналов — у меня есть знакомства где надо. Проснешься знаменитой. Ты ведь за этим приехала в Москву? Как тебе такая заманчивая идея?

На асфальт внизу, под окном, ложатся первые тяжелые капли. Все-таки дождь.

Я смотрю на тротуар. Человек напротив смотрит на меня.

Это какая-то шутка.

Интересно, в чем подвох?

— А о чем книга? — интересуюсь я.

Впрочем, сейчас все равно, о чем писать — хоть об особенностях приготовления салата оливье. Хоть о бывших

любовниках. Хоть о собачьих ошейниках. Чем более предсказуемым будет текст, тем лучше — главное, чтобы автор был заранее известен публике, желательно с какой-нибудь скандальной стороны.

— Не знаю, не решил еще.

Отлично!

— Так о чем же мне писать? — удивляюсь я.

— А вот ты и придумай, — тычет он в меня пальцем. — Кто у нас писатель — ты или я?

Идиотизм какой-то. Видимо, слово «идиотизм» начертано у меня на лбу огненными буквами. Иван принимается меня уговаривать.

— Я понимаю, все, что я говорю, звучит дико. Я тебя не знаю, ты меня не знаешь, поболтали и разошлись. И все же подумай. Все получится, я уверен. Я же не заставляю тебя написать бестселлер за месяц. Покатайся со мной туда-сюда, поезди на концерты, на презентации, посиди в студии на записи. Посмотри со стороны, что к чему. А я вспомню разных случаев из жизни — у меня их предостаточно. Материала хватит. Главное, грамотно все это скомпилировать — и вперед, в печать.

— Ну... я не знаю.

— Ясно. Хорошо, повернем проблему другой стороной. Сколько ты хочешь?

Тут я, честно говоря, совсем теряюсь.

— За что?

— Да за книгу же!

— Да... ну... я не знаю.

События, кажется, начинают происходить помимо моего в них участия.

Иван оживляется. Видимо, он думает, что я просто пытаюсь набить себе цену.

— По поводу бабла не волнуйся. Скажем так — я нанимаю тебя на работу. Не переживай, с основной тебе уходить не обязательно. Но я буду ежемесячно платить тебе зарплату. Или гонорар — если тебе такая формулировка больше нравится. Ты сейчас в своем этом... «Слухи.ру» сколько получаешь?

— Э... восемьсот.

— Евро?

— Долларов.

— Восемьсот баксов? — удивляется Иван. Он ерошит волосы и весело хохочет. — Это по нынешнему курсу... С ума сойти! И как ты живешь на эти деньги? Кладу тебе две

тысячи в месяц, и за готовый текст еще пять-шесть. Плюс авторские, когда в издательство отдадим. Не знаю уж, сколько там выйдет. Ну и фамилия твоя, конечно, на обложке. Крупными буквами. Вместе с фотографией. Идет?

3

Я увидела его впервые в прошлые выходные. Шел вялый летний дождь, от которого на поверхности мелких лужиц вспучивались пузыри. Слякоть заползала в туфли. Стоя у входа в недавно открытый выставочный зал, я думала только о том, чтобы не замочить фотоаппарат. Аппаратура была не моя — казенная, выдавшая виды, но все же дорогая. Обращаться с ней я, честно говоря, умею не особо, но так как в начале августа после сокращения штата в два раза наш фотограф был уволен, главная редакторша решила, что корреспондент женского сетевого журнала вполне может стать фотокорреспондентом. За те же деньги, разумеется.

— Ты делаешь неплохие фотографии! — воскликнула на совещании многоуважаемая Нина Сергеевна, которую мы с верстальщиками за глаза зовем Шилом (за короткую стрижку, которая к концу рабочего дня неизменно торчит иглами в разные стороны, и способность быть шилом в заднице всей редакции). — Я видела твой аккаунт в «Инстаграме». Так что не отпирайся. Мне нужен полноценный фотоотчет и пару комментариев селебритис о мероприятии.

Модное слово «селебритис» Шило вставляет в разговор в каждую вторую фразу.

— И пожалуйста, надень платье. И туфли. Придешь, как обычно, в джинсах и кедах — во-первых, не пройдешь фейс-контроль, а во-вторых, вылетишь с работы. Мероприятие очень солидное, так что изволь соответствовать.

Возражать я не стала. У меня еще не закончился трехмесячный испытательный срок.

Мероприятие и впрямь выдалось ну очень солидным. Вся эта бодяга, занявшая целый этаж огромного стеклянного выставочного центра на три дня, называлась «Российская неделя высокой моды для животных».

Круто, да? У животных тоже есть своя мода.

Правда, они об этом не знают.

Платье, за неимением оно, мне пришлось одолжить у Машки. Туфли, привезенные из дома, подошли к нему не очень, но мне, честно говоря, было на это плевать.

— Круто выглядишь! — сказала подруга, когда я перед выходом на мероприятие глянула на себя в зеркало. Там обнаружилась какая-то незнакомая мне девица в черном платье-футляре с торчащими из-под подола мосластыми коленками.

— Ага. Как на похоронах, — ответила я.

Отчего-то в тот день мне особенно запомнился дождь. То ли потому, что ноги окончательно промокли, то ли потому, что я вообще люблю дождь. А может, мне просто хотелось, чтобы линуло посильнее и вся чопорная процессия у входа вприпрыжку поскакала внутрь.

Публика прибывала, как обычно, с опозданием. Первый автомобиль появился ровно через двадцать минут после официально объявленного начала pre-party. Из авто появлялись красивые люди, неспешно проходящие по ступеням, задрапированным красным ковром (привет Каннам!). Вот проплыл известный политик с дамой. Вот появился эпатажный телеведущий, успевший дважды жениться за один телевизионный сезон. Вот ослепила всех улыбками девичья попсовая команда. Вот изнеженно помахала ручкой слегка раздавленная виришь мисс Мира позапрошлого года. Некоторые лица были настолько идеальны, что я начала сомневаться, не открыта ли уже где-то продажа «Фотошопа» в таблетках.

Играла музыка, напрягалась охрана, пресса, согнанная за ограждения из столбиков и цепочек, щелкала затворами фотоаппаратов.

Иван приехал практически последним, на белом «мерседесе» спортивной модели. Впрочем, если бы не Нинка Кравцова, знакомая корреспондентка из малоформатного женского глянцевого издания, я бы не узнала, что его зовут Иван, что он — экс-солист известного в стране коллектива, что он покинул его, прервав контракт раньше на полгода, и что в прошлом месяце он подрался с кем-то в ночном клубе, попав в газеты с шикарным синяком на пол-лица... Исчерпывающая творческая биография, не правда ли? Всю эту информацию Кравцова выпалила мне скороговоркой в ухо — и я на всякий случай сделала несколько снимков.

Лицо Ивана было мне смутно знакомо, вот и все.

Выбравшись из-за руля и обойдя авто, Иван помог выйти из машины своей холеной спутнице, брюнетке в золотистом платье (сдается мне, где-то все-таки существуют специальные НИИ, производящие на свет божий представительниц совершенно отдельной, идеальной расы). Она была выше

Ивана на полголовы, и у нее были бесконечные ноги, прямо из которых где-то внизу росли бесконечные каблуки.

После, собственно, началось мероприятие — показ коллекции собачьей одежды и аксессуаров от какой-то дизайнерши, живущей между Москвой и Нью-Йорком и, по всей видимости, обожающей все блестящее. Демонстрировать собак, разумеется, должны были их знаменитые хозяйки.

Где-то далеко, невидимый за стенами огромного, задрапированного бархатом зала, бушевал финансовый кризис. Бастовали безработные рабочие, рушились биржи, обанкротившиеся миллиардеры бросались под поезд. По подиуму дамы всех мастей, известные и не очень, в шикарном вечернем наряде, тащили на руках и на поводках собак всех мастей, в кружевах и с бриллиантами на ошейниках. Брюнетки, рыжие, той-терьеры, чихуа-хуа, китайские хохлатые, блондинки, шатенки... Вышагивающие по подиуму особы одинаково шурились на фотовспышки, цокали лапками и кокетливо смотрели в зал. Зал отвечал им восторженными аплодисментами.

Иван со своей спутницей сидел в первом ряду. Он тоже смотрел на семенящих мимо на тонюсеньких ножках той-терьеров, чихуа-хуа и их хозяек. Смотрел, улыбался, аплодировал когда надо, восторгался когда следовало. И все же... Клянусь, в какой-то момент я успела уловить на его лице тень скуки. Она пробежала по его лицу, словно судорога, сведшая челюсть человека, страстно желающего зевнуть и не имеющего возможности этого сделать, — и пропала. Лицо Ивана снова стало вежливо-внимательным.

Но я улыбнулась. Не мне одной в этом зале было катастрофически скучно.

К моменту, когда последнюю породистую шавку унесли за кулисы, а непосредственный автор всего этого собачьего великолепия сорвала шквал аплодисментов, я успела заполнить фотографиями две карты памяти. Хватит не на один фотоотчет, а на четыре. Осталось продержаться совсем немного, минут тридцать (в программке мероприятия после дефиле была заявлена after-party), и можно ехать домой, лелеять мозоли от туфель.

Вместе с вереницей гостей мы с Кравцовой двинули в находящийся этажом выше ресторан. Неделя звериной моды закрывалась, так что блистать бриллиантами собакам (ни одной кошки, хомячка или рыбки на этом празднике животноводства я не заметила) оставалось от силы часа два. Дав себе немного расслабиться и выпив по бокалу красного

сухого, мы с Нинкой договорились позже вместе уехать с вечеринки на такси и занялись интервью. Она высмотрела ведущего одного из музыкальных каналов, я дернула из толпы одну из девчонок той самой попсовой группы, на ходу вспоминая, как ее зовут и как называется команда, в которой она открывает рот. Восемь вопросов, несколько снимков, на все про все — от силы десять минут. К бару за вторым бокалом мы с Кравцовой подошли практически одновременно.

— Слушай, давай побыстрее. Ага? — попросила та. — У меня скоро нянечка свалит, она уже звонила, так что мне к Никитке надо ехать. Может, ну ее, твою вторую звезду? Редактор обойдется и одним интервью?

— Не обойдется, — покачала я головой. — У меня испытательный срок, так что малейшая придирка — и Шило выкинет меня на улицу.

— А... Ну тогда давай в темпе вальса. Тебе кто больше нравится?

Облокотившись на стойку бара, мы сканировали толпу гостей.

— Пожалуй, я возьму этого твоего Ивана, — сказала я, представив, как хорошо эта парочка будет выглядеть в фотоотчете.

— Нет, Ивана уже я застолбила! — вдруг заартачилась Кравцова.

— Почему это? — удивилась я. — У тебя к нему сердечный интерес?

— Дура ты. Он же восходящая звезда хип-хопа. Интересная личность. Да еще и скандальная — после дракитов!

— Нет, звезда хип-хопа мне самой нужна, — рассмеялась я. — Если он прям такой подающий надежды, мне это будет лишним плюсом в личное дело. К тому же с ним девчонка эффектная.

— Иди в жопу! Я тебе Ивана не отдам, — стояла на своем Нинка.

— Да что ты так в него вцепилась? — удивленно поинтересовалась я. — Давай, что ли, тогда жребий бросим.

— Не вопрос! — отозвалась Кравцова и полезла в сумочку за кошельком.

И вот, стоя возле бара и одной рукой держа фотоаппарат, другой я подкинула вверх пятирублевую монету. Кувыркнувшись, монета подмигнула мне и упала на покрытый ковром пол решкой вверх.

Иван достался мне.

Уже через минуту мы стояли возле приоткрытого окна в холле ресторана. Я, Иван и его золотистая девушка. Девушка явно знала толк в том, как именно надо позировать перед объективом — видимо, сказывалась модельная практика. Иван же держался довольно просто. Хорошие манеры, внимательный взгляд, крохотная блестящая серьга в мочке левого уха, отлично сидящий костюм. Никакой присущей большинству медийных персон развязности, никаких татуировок на видных местах, цепей, массивных украшений с бриллиантами и золотых передних зубов. А в остальном — ничего особенного. Узри я его в толпе где-нибудь между «Чкаловской» и «Курской», не обернулась бы.

Отвечал на вопросы Иван развернуто, много острил, иногда откровенно ерничал. Кажется, ему было приятно давать интервью. По итогу разговор, хвала богам, вышел далеко за рамки моды для животных. Наверняка Шило захочет сделать из этого отдельный материал, подумала я. А Иван, после того как я выключила диктофон, попросил связаться с ним, чтобы вычитать готовое интервью.

Педант, решила я тогда. И не ошиблась.

Сейчас, сидя в кафе, я вспомнила все детали нашего знакомства и улыбнулась. По сути, если бы монетка упала орлом кверху, написать книгу Иван предлагал бы сейчас не мне, а Кравцовой.

4

— Кофе еще будешь? — интересуется Иван.

Дождь за окном льет все сильнее и сильнее. Как я поеду в редакцию?

— Угу, — говорю я рассеянно.

Иван кивает официанту, и тот мгновенно оказывается возле нашего столика, чтобы принять заказ. Вряд ли он был бы столь услужлив, сиди я здесь одна.

Иван просит еще кофе и счет. Потом он снова закуривает, смотрит на улицу.

— Ты, кстати, на машине? — спрашивает он.

Наивный!

— На метро...

— Я тебя подброшу. Так что скажешь?

Две тысячи долларов в месяц — это моя полугодовая зарплата в самарской газете, работа в которой однажды так мне надоела, что я свалила в Москву. Впрочем, не только

работа надоела мне в Самаре, но это — уже совсем другая история... Прибавив деньги Ивана к своему окладу в «Слухах», я стану практически миллионершей. С другой стороны, это — оплата труда, которым я никогда не занималась.

— А тебя не смущает, что я за свою жизнь не написала ни одной книги? — спрашиваю я.

— Не-а, — отмахивается Иван. — Более или менее сносно складывать слова в предложения умеет треть земного шара. Писателем в Москве стремится стать каждый второй. Но лишь у некоторых есть гарантии, что их действительно напечатают. Связи решают все. Так что с тебя — работа над текстом и форма, а с меня — содержание. Жизнь артиста очень насыщена, тебе просто останется записывать! Остальное, считай, решено. Думай.

Я молчу, глядя, как над столом тает сигаретный дым.

Возле нас неожиданно появляется симпатичная незнакомка в джинсах и светлой футболке. Рдея, как утренняя заря, девушка подает Ивану блокнот и ручку.

— Подпишите, пожалуйста! — произносит едва слышно.

— Как тебя зовут? — интересуется Иван, оглядывая подошедшую с ног до головы.

— Катя, — еще тише произносит та.

— Понятно. Так и напишем — Катерине с любовью.

Девушка польщенно улыбается. Я не могу скрыть ухмылку.

Оставив сигарету в пепельнице, Иван размашисто пишет в блокноте. Я вижу, как привычно его рука вырисовывает буквы на листе. Наконец он ставит подпись, отдает блокнот Кате и ослепительно улыбается.

Отличный кадр для глянцевого журнала. Стоп, снято!

Я улыбаюсь. И вдруг реальность вокруг меня действительно застывает одним большим, ярким стоп-кадром.

Какого черта я вообще думаю? Мне на блюдечке с голубой каймой преподносят неплохой шанс продвинуться чуть дальше, чем может вообразить среднестатистическая редакционная крыса, а я, ковыряя в носу, размышляю, хватать мне этот шанс или нет!

Я в один миг принимаю решение.

Как там говорят? Тщеславие — любимый из пороков дьявола? Вот-вот. Если быть до конца честной, мне плевать на две тысячи долларов в месяц. Просто мне, как, наверное, любому журналисту в этой стране, до чертиков хочется однажды вот так же, размашисто и небрежно, подписывать

собственные книги на автограф-сессии где-нибудь в Доме книги на Новом Арбате. И так же ослепительно улыбаться сияющим от радости поклонникам. И привычно, чуть устало позировать перед объективами фотокамер. Не все же время я сама должна нажимать на кнопку!

Девушка в футболке смотрит на подпись, радостно кивает и, пискнув: «Спасибо!», возвращается к своему столику.

Официант приносит счет и кофе.

— Ну так что? — спрашивает Иван, глядя, как я наливаю в кофе сливки.

— Я согласна.

Кивок сопровождает раскат грома.

5

— Меня в салон берут, мастером педикюра! — с порога оглушает восторженными воплями Машка. Она в одном полотенце прыгает посреди комнаты и трясет мокрыми волосами. — Только что позвонили!

В ванной шумит вода, посреди ковра брошен пылесос — видимо, на радостях моя соседка решила отдраить всю квартиру. Всегда, когда ей некуда девать энергию, она устраивает вселенскую генеральную уборку.

— Больше никаких ночных бдений в салоне. Буду работать днем. Одна тетка уходит в декрет, так что я теперь — не сторож. У меня теперь свое место, свой шкафчик, а еще мне обещали сделать визитки в следующем месяце. Ура!

Не одной мне сегодня чертовски повезло.

— Круто! — говорю я. — Поздравляю!

Машка обнимает меня, и какое-то время мы с ней прыгаем вокруг лежащего пылесоса.

— Я там картошки нажарила с грибами. Угощайся!

— Спасибо! — обрадованно говорю я.

После долгого дня в редакции, скрашенного двумя диетическими йогуртами и бессчетным количеством дурного растворимого кофе, я готова позариться даже на китайскую лапшу быстрого приготовления. А уж картошка с грибами — это просто рождественская индейка с яблоками.

— Не за что! — Машка жмет босой ногой на кнопку, и пылесос взывает, как болид на повороте трассы «Формулы-1».

Кухня блестит, оставленная мною с утра посуда, разумеется, вымыта, шкафы и плита отдраены так, словно их вчера привезли из магазина. Маша просто волшебница.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.